

Алексей Тепляков

Журналисты и власть Западной Сибири в 1930-е годы: конформизм и сопротивление

Политика «великого перелома» с конца 1920-х гг. резко изменила облик советских газет и журналов, достаточно быстро приведённых к идеологическому однообразию. По указанию парторганов пресса была обязана мгновенно откликаться на все хозяйственно-политические кампании, которые проводились государством с целью мобилизации общества на решение тех или иных поставленных задач. Огромное место в этих кампаниях занимал образ «врагов народа», действовавших тайно и явно, срывавших великие планы строителей нового общества. Применительно к сибирскому региону как практики режима, направленные к насаждению конформистской модели поведения среди прессы, так и сопротивление многих журналистов внедрению этой модели изучены пока явно недостаточно. Между тем документы властных структур позволяют увидеть разнообразие реакций журналистского сообщества на предлагаемые правила, причём даже в смертельно опасные для всякого инакомыслящего годы Большого террора.

Чекисты очень тщательно наблюдали за журналистами — идеологическими бойцами компартии, обязанными колебаться вместе с генеральной линией. Руководители органов прессы, в свою очередь, находились в контакте с ОГПУ-НКВД, в частности, пересылая чекистам идеологические вредные или прямо враждебные письма, включая анонимные, которые в большом числе поступали в газеты. Например, в конце 1928 г. в редакцию барнаульской газеты «Красный Алтай» поступило анонимное протестующее письмо, подписанное «Социалист»: «В каждом номере любой нашей газеты только и читаешь погромные статьи — дави кулака, жми буржуя, бей попа...»^[1]

Резкое ужесточение идеологической непримиримости вызвало истерическую и многолетнюю кампанию поиска всё новых противников из числа «социально чуждых» и «вражеских пособников», обставляемую ритуалами отмежевания от очередного вскрытого врага и унижительного покаяния причастных к политической слепоте, с 1937 г. именовавшейся, по сталинскому афоризму, «идиотской болезнью беспечностью». Уже при разгроме сибирских «праволевацких оппортунистов» даже от не самых значимых фигур требовали обязательного покаяния. Так, в ноябре 1930 г. «Советская Сибирь» критиковала томскую газету «Красное знамя» за публикацию, «да еще на первой полосе (да к тому же крупным шрифтом) открытого письма (в стихах) сотрудника редакции П. Семынина «Своему бывшему другу, ныне предателю-двурушнику А.Л. Курсу». Формально выступая против [бывшего редактора «Советской Сибири»] Курса в этом своем стихотворении[,] «открытом» письме[,] по сути дела, ясно обнаруживал, что сам

он продолжает находиться в плену оппортунистически-курсовских литературно-газетных теорий. Это вскоре и подтвердилось с полной очевидностью: Семынин открыто выступил на собрании ячейки в защиту оппортунистов фракционеров [Н. В.] Степанова и [А. А.] Панкрушина, за что и был исключен из комсомола» [Советская Сибирь, 1930. С. 3].

Поскольку журналисты были сравнительно информированными людьми, многие из них небеспрекословно приспособлялись к идеологическому и цензурному гнѣту. Было сопротивление и принуждению делать редакции приютом для секретных работников ОГПУ. В 1928 г. редактор газеты «Кузбасс» Н. Житловский на одном из совещаний чѣтко выразил отношение к использованию газеты для нужд политической полиции: «Как же работа с собкорами не будет слаба, когда наш платный сотрудник «Кузбасса» служит резидентом ГПУ и принимает сексотов ГПУ, что отрывает его от непосредственной работы». Житловского за расконспирирование тайного чекиста сняли с работы и объявили строгий партийный выговор [Кушникова и др., 1998. С. 19].

Неизбежной платой за сохранение профессии для любых, в том числе известных, имѣн был конформизм, выражавшийся в формах, шокирующих сегодняшнего читателя своей откровенностью. Многие творческие личности готовы были присоединиться к В. Маяковскому, который, выступая 25 марта 1930 г. на своем юбилейном вечере, сказал: «Почему я должен писать о любви Мани к Пете, а не рассматривать себя как часть того государственного органа, который строит жизнь? □ Поэт тот, кто в нашей обостренной классовой борьбе □ не гнушается никакой черной работой, и пишет агитки по любому хозяйственному вопросу □ То, что мне велят, это правильно. Но я хочу так, чтобы мне велели!.. (Аплодисменты)». Известнейший сибирский журналист В. Д. Вегман в сентябре 1930 г. на I съезде секции научных работников Западно-Сибирского края заявил: «Мы, коммунисты, считаем своим коммунистическим долгом обо всем, что... идет во вред Советской власти... немедленно об этом сообщать куда следует...» [Павлова, 2000. С. 37–38.].

На партийной чистке новосибирских писателей в 1934 г. прозвучали обращѣнные к писателям и журналистам руководящие требования «решительно изменить методы своей творческой работы, чтобы в действительности осуществлять авангардную роль на этом ответственном участке работы партии □ повести решительную борьбу с самотеком в выборе писателями тем для творческой работы, беспощадно разоблачая и критикуя укоренившиеся вредные представления о том, что творческая работа писателя всецело зависит от «вдохновения» □" и не может быть уложена в какие-то строгие рамки[2].

У каждого заметного литератора были свои реакции на государственное удушение. Затравленный автор острых рассказов и очерков В. Я. Зазубрин был вынужден покинуть Сибирь. В. А. Итин

оставил малоактуальную фантастику и ушёл в журналистику, воспевая большевиков — первопроходцев Северного морского пути. До 1937 г. он был одним из ведущих руководителей новосибирской литературной жизни, постоянно консультируясь с видными чекистами по поводу лояльности и допустимости в печати того или иного литератора. Возможной попыткой спастись у новосибирского писателя М. А. Кравкова, бывшего видного эсера и деятеля колчаковской власти, был переезд в провинцию после кратковременного ареста в начале 1930-х гг. Юный поэт и журналист А. П. Смердов дал во время следствия в 1936 г. необходимые показания, был быстро освобождён и с тех пор постоянно демонстрировал лояльность, восходя по номенклатурной лестнице и привлекаясь органами госбезопасности к даче консультаций по «вредным» литературным произведениям, изымаемым у арестованных [3].

Одновременно с усилением нажима и чистками шло быстрое наращивание журналистских сил за счёт районных газет, изданий политотделов МТС и совхозов, в результате чего власть не всегда успевала должным образом проконтролировать облик новых изданий. Также характерен долгоживущий феномен неподцензурной самодеятельной журналистики, как правило, молодёжной, а нередко и подростковой. В архивах то и дело встречаются сведения о выпуске студентами и старшеклассниками нелегальных, обычно рукописных изданий. Резкие публикации периодически проходили в такой малоизученной сфере, как стенная печать. Так, в конце 1936 г. работники Томского горкома ВКП (б) с негодованием отмечали факт появления в стенгазете химического факультета индустриального института и провисевшей несколько дней иронической заметки «Талантливый педагог», где критиковался преподаватель общественных наук Иванов за эпитеты, употреблявшиеся им по адресу троцкистов: гадины, бешеные собаки, стая шакалов и т. п. [Власть и интеллигенция, 2004. С. 132].

Не только развитые читатели газет испытывали дискомфорт в связи с мертвящей идеологической заданностью советской прессы, росшей количественно, но деградировавшей морально и профессионально. В малоизученной жизни как больших газет, так и множества крохотных коллективов районной и ведомственной прессы происходили неоднозначные процессы и, несмотря на видимую убогость формы и содержания, отнюдь не всегда наличествовало официозное единомыслие. Вынужденное двоемыслие работников печати, внутренние конфликты в связи с необходимостью выпускать погромные тексты в неряшливых агитационных газетках периодически вскрывались слежкой карательных структур.

Так, 8 июля 1937 г. по докладу начальника управления НКВД С. Н. Миронова Запсибкрайком принял особое постановление о «контрреволюционном литературном кружке» в Троицком районе (современный Алтайский край), организованном пятью годами ранее

«праволевацкими уродами из контрреволюционного журнала «Настоящее»". Группа молодёжи, в том числе комсомольской, сплотившаяся вокруг руководства районной газеты во главе с И. Ф. Сапруновым, обменивалась запрещённой литературой, сочиняла и записывала «антисоветский фольклор», вела «гнусные клеветнические разговоры против партии и советской власти» [Тепляков, 2009. С. 220].

Докладная записка инструктора отдела руководящих парторганов Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) Казака называет участников этого кружка при газете «Сталинское знамя», организованного в конце 1931 г. писателями Н. А. Алексеевым и П. В. Гинцелем. Во главе кружка находились братья Сапруновы: Иван Федосеевич, к 1937 г. перебравшийся в «Железнодорожник Кузбасса», Александр, заведующий районной библиотекой, затем работавший в газете Больше-Реченской МТС «За большевистские колхозы», а с 1935 г. — сотрудник «Сельской правды», и Леонид — работник газеты «Рельсы Кузбасса» (ст. Топки). В кружок входили: И. И. Петров («Рельсы Кузбасса»), М. И. Прокудин — секретарь «Сталинского знамени», призванный в 1936 г. в РККА, А. А. Бессонов — секретарь «Сталинского знамени», Л. А. Максимов — заведующий отделом политучёбы Троицкого райкома ВЛКСМ, С. И. Тарасов — массовик колхоза, И. К. Варламов — житель с. Троицкое. Помимо этих девяти, входивших в состав кружка изначально, его позднее дополнили новый редактор «Сталинского знамени» П. А. Кочетков, а также Ф. Долматов, В. Горностаев, Кусов и Несговоров. После отъезда Ивана и Александра Сапруновых кружком руководили С. И. Тарасов и П. А. Кочетков. После снятия Кочеткова с редакторства за публикацию «контрреволюционных» фельетонов в руководстве кружком его заменил Анатолий Бессонов, якобы получавший «директивные указания» от троих братьев Сапруновых[4].

Члены кружка читали и разбирали изъятую к тому времени из обращения политическую и художественную литературу, писали на «антисоветские темы» стихи, куплеты, частушки, песни, зарисовки, рассказы и фельетоны. Сапруновы утверждали, что «мы не должны подпевать эпохе», что «писатель должен находиться вне времени и пространства». Кружковцам инкриминировалась клевета на вождей, политотделы МТС и совхозов, коллективизацию, стахановцев и Сталинскую конституцию. Чекисты проворонили кружок, и о нём узнали с подачи партийных властей. У Тарасова при обыске была обнаружена «контрреволюционная литература», стенограмма выступления Троцкого и его же книга «О молодежи», Ветхий и Новый Завет, сочинения Бунина, Есенина и других авторов. У Бессонова изъяли три тетради «антисоветского фольклора и вульгарных анекдотов», ещё одну тетрадь «с контрреволюционными пошлостями», обнаруженную в его столе редактором «тов. Смелой», он успел уничтожить[5]. А. А. Бессонов, П. А. Кочетков, И. И. Петров и С. И. Тарасов были арестованы и осуждены на 8–10 лет заключения. Широкий состав кружка говорил о наличии

заметных протестных настроений в общественно активной молодёжной среде.

О главных проблемах общества писать в прессе было невозможно. Самым жёстким табу была окружена тема голода и репрессий первой половины 1930-х годов, когда сибирская деревня потеряла в результате бегства в города и голодной смертности полмиллиона человек. Как сообщал по линии спецорганов на Лубянку полпред ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю И. П. Зирнис, весной 1933 г. иркутская учащаяся молодёжь была вынуждена добывать нетрадиционные продукты питания: «За последние две недели мы отмечаем, что студенты по ночам в одиночку и группами бьют кошек и собак, обращая себе на питание»^[6]. Но у людей была острая потребность получать неподцензурную информацию, ради которой они по-настоящему рисковали. Например, бюро Татарского райкома ВКП (б) отмечало, что в местном отделении Госбанка «в 1935 г. ...нашлись люди, которые ездили в Омск за получением контрреволюционных частушек и анекдотов»^[7].

Однако один раз о том, что творилось в Сибири тех лет, можно было прочесть в газете — благодаря грубой промашке партийной печати, в нескольких словах точно охарактеризовавшей всё происходящее. 3 ноября 1933 г. краевая «Сельская правда» вышла с торжественной шапкой, приуроченной к октябрьской годовщине: «На земле, залитой кровью, создана новая колхозная жизнь». За напечатание «Сельской правдой» невольной правды бюро Запсибкрайкома ВКП (б) постановило редактору Понурову дать выговор, а номер с заголовком, «имеющим контрреволюционную сущность» — изъять [Тепляков, 2009. С. 59].

В связи с подобными эпизодами партийные и чекистские органы всемерно усиливали идеологический контроль, разыскивая крамолу даже в опечатках. Террор опечаток — вечный дамоклов меч советских газетно-журнальных работников, ибо в самых раболепных формулах и приветствиях одна единственная искажённая или пропущенная буква, нарушенный порядок слов, стилистическая погрешность переворачивали смысл сказанного прямо на противоположный.

Несмотря на все строгости, малограмотные газетные работники постоянно ошибались самыми дискредитирующими с точки зрения властей способами. Так, в газете «Красный Алтай» за год с небольшим прошёл целый ряд опечаток «контрреволюционного» характера. Например, в апреле 1936 г. газета заявила, что советское правительство «как никакое другое правительство в мире не умеет ценить работу людей». 22 января 1937 г. стилистическая промашка дала такой результат: «Мы с чувством глубокой ненависти и презрения заслушали сообщение прокуратуры о раскрытии контрреволюционного антисоветского центра». 17 июня 1937 г. газета отметила, что «Красная армия□ превратилась в самую сильную, крепкую и беспособную армию в мире». А приветствие папанинцев Сталину 25 июля 1937 г. в варианте «Красного Алтая» гласило: «Вы лично указали план и средства

и неизменно продолжаете поддерживать полярников руководством и вниманием"[8].

Но и в краевой «Советской Сибири» дела обстояли не лучше. 28 января 1937 г. в большей части тиража прошёл заголовок «Подлый (вместо «полный» — А. Т.) крах мерзких планов», а 24 июля 1937 г. полосы сверстали так, что если их посмотреть на просвет, то на фотопортрет А. И. Микояна (первая полоса) были направлены штыки осоавиахимовцев (вторая полоса). Лишь в последнюю минуту это «вредительство» было замечено и устранено. Однако уже 18 июля газета опубликовала портрет наркома внутренних дел Ежова с якобы «свастикой на пуговице"[9]. Подобные эпизоды наблюдались повсеместно. Например, «Известия» 27 июня 1937 г. негодовали по поводу того, что передовица «Правды» от 22 мая «Защитники троцкистско-японо-германских шпионов и диверсантов» перепечатана в газете «Красноярский рабочий» с пропуском в заголовке слова «японо». Известинский автор восклицал: «Что это, как не услуга японским шпионам и диверсантам?»

Руководство Сибири в 30-е годы было одним из самых просталинских. Многолетний секретарь Запсибкрайкома ВКП (б) Р. И. Эйхе, арестованный в 1938 г., в письме Сталину из тюрьмы заверял, что он всё время работы в Сибири «решительно и беспощадно проводил линию партии» [Реабилитация, 2000. С. 327]. Региональные власти яростно преследовали и тех, кто сопротивлялся прославлению террора, и тех, кто по тем или иным причинам оказывался недостаточно бдительным. Редактор политотдельской газеты в Коченёвском зерносовхозе ЗСК К. Н. Соколов был решением бюро крайкома 28 сентября 1936 г. исключён из партии за «отказ печатать в газете приговор Военной Коллегии Верховного Суда над контрреволюционной троцкистско-зиновьевской фашистской бандой"[10].

Будущий редактор «Алтайской правды» И. Портянкин 7 сентября 1936 г. сообщал в крайком, что выходящая в Сталинске «Большевицкая сталь» во время процесса над группой Зиновьева и Каменева не опубликовала целых пять «наиболее политически острых передовых статей» из «Правды» — «Великий гнев великого народа», «Раздавить гадину», «Троцкий-Зиновьев-Каменев-Гестапо», «Взбесившихся собак надо расстрелять» и «Приговор суда — приговор народа». Особо обращалось внимание, что в одной из передовиц «Большевицкой стали» было «совершенно неуместно, не ко времени сказано: «Пролетариат не жаждет кровавой мести. Нет гуманнее народа, чем граждане СССР». Эта фраза выглядит крайне неуместно, несмотря на то, что и до нее, и после нее идет речь о применении к банде убийц высшей меры наказания». Газета критиковалась Портянкиным и за то, что на смертный приговор зиновьевцам было напечатано всего пять одобрительных откликов, причём они оказались «не обобщены политически острыми заголовками, мобилизующими ненависть масс к троцкистско-зиновьевской банде», а в номерах за 18 и 20 августа слово

«расстрел» упоминалось лишь трижды. В ответ Эйхе велел вызвать редактора в крайком и заслушать его объяснения на бюро[11].

Тогда же Портянкин разоблачил и редакторов газеты «Тайснейба», которые оказались способны испытывать чувство стыда за открытые призывы к убийствам. Его послание именовалось «Справкой о грубейших искажениях и извращениях, допущенных краевой латгальской газетой «Тайснейба» при переводах важнейших политических документов и статей...» Например, в номере за 20 августа 1936 г. была перепечатана передовица «Правды» от 17 августа «Страна клеймит подлых убийц». Её первый абзац в подлиннике выглядел так: «Возмущение охватило народные массы, как только они узнали о преступлении кучки подлых убийц, возглавляемых изменниками нашей родины: Троцким, Зиновьевым, Каменевым и другими. Уже самая измена этих выродков вызывает чувство гадливости у каждого честного человека». А «Тайснейба» в этом образчике политической публицистики пропустила эпитеты «кучки» и «выродков». Правдинский призыв: «Врагам народа, изменникам — трижды проклятым Зиновьеву, Каменеву и другим — никакой пощады!» в «Тайснейбе» буквально выхолостили, пропустив самые главные слова: «Врагам народа, изменникам — трижды проклятым...»[12] В 1937 г. газета была ликвидирована, а её издатели и авторы — уничтожены.

Репрессиям в 30-х годах подверглось множество работников печати. Журналист «Сиброста» В. П. Музыченко весной 1933 г. по обвинению в причастности к «белогвардейскому заговору» во главе с бывшим генералом В. Г. Болдыревым получил 5 лет лагерей. Характерным было дело 1936 г. против ряда молодых журналистов краевой комсомольской газеты «Большевицкая смена» (А. А. Панкрушина, В. А. Зверева, В. И. Александрова, А. Р. Пугачёва, А. И. Смердова), обвинявшихся в антисоветской пропаганде [Папков, 2011. С. 180].

Диспут, проведённый Панкрушиным под нарочито провокационным названием «Был ли Хлебников фашистом», наглядно показывает, насколько острыми и интересными могли быть обсуждения необычных тем даже в середине 1930-х гг. Чекисты отметили, что в своём выступлении на диспуте Панкрушин «протащил мысль» о том, что ВКП (б) не имеет особых заслуг перед Октябрьской революцией. Панкрушин признал, что пропагандировал «реакционно-антисоветского» Н. Заболоцкого, «пессимистов» О. Хайяма, Ф. Сологуба, В. Хлебникова, «расстрелянного Гумилева» и «буржуазного упадочного формалиста» Дж. Джойса, а также по идее комсомольца-поэта А.Р. Пугачева задумал писать киносценарий «Какова ценность человеческой жизни в период социалистического строительства»[13].

А. А. Панкрушин, В. А. Зверев и В. И. Александров были осуждены, но выжили. В 1936 г. во время следствия погиб патриарх советской сибирской журналистики В. Д. Вегман. Осуждённых в 1937—1938 гг. новосибирских литераторов А. А. Ансона, Г. А. Вяткина, В. А. Итина, И. Т. Гуля, М. А. Кравкова, А. Н. Огурцова (Андрея Кручину), Н. В. Степанова

ждал расстрел. Репортеры «Советской Сибири» В. А. Язвинский и В. И. Мрачковский 21 октября 1938 г. были расстреляны как польские шпионы. Этот мартиролог далёк от полноты.

Вторая половина 30-х годов стала катастрофой для журналистов. Несмотря на преобладание успешно навязанной конформистской модели поведения, власть обрушила на них беспощадные репрессии. Были истреблены целые творческие коллективы, прежде всего в связи с массовым террором против представителей нацменьшинств. Уже не было возможности представить существование в журналистике ярких политических фигур, подобных Н. И. Бухарину и Л. С. Сосновскому из «Известий» или сибиряку В. Д. Вегману. Но и среди толпы идеологически выдержанных солдат партии, «проваренных в чистках как соль», сохранялись настоящие журналисты, находившие актуальные темы, писавшие смело, защищавшие людей от чиновничьего произвола и оставившие добрую память. Изучение проявлений свободомыслия среди газетно-журнальных и издательских работников является интересной исследовательской задачей, призванной показать необходимую полноту, неоднозначность и стереоскопичность такой подконтрольной идеологической сферы, как советская журналистика сталинской поры.

[1] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 852. Л. 468.

[2] ГАНО. Ф. П-76. Оп. Д. 531. Л. 8.

[3] Архив УФСБ НСО. Д. П-3745; Д. П-18812; РГАНИ. Ф. 6. Оп.2. Д. 1706. Л. 29 об.

[4] АУФСБ по НСО. Д. П-10421. Т. 1. Л. 93. Л. 138–140.

[5] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 840. Л. 53–54.

[6] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 708. Л. 7.

[7] ГАНО. Ф. П-82. Оп. 1. Д. 251. Л. 176.

[8] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 853. Л. 140.

[9] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 862. Л. 12, 14.

[10] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 98. Л. 118.

[11] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 753. Л. 264–265.

[12] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 753. Л. 267.

[13] Архив УФСБ НСО. Д. П-18812. Л. 2, 16, 34, 36.

Список литературы

1. *Власть и интеллигенция в советской провинции (1933–1937 годы). Сборник документов/ Сост. С. А. Красильников, Л. И. Пыстина, Л. С. Пащенко. Новосибирск, 2004. 352 с.*
2. *Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово. Книга вторая. Кемерово, 1998. 666 с. 3. Павлова И. В. В. Д. Вегман. Штрихи к портрету // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. N 2. С. 35–40.*

4. Папков С. Организация писателей Сибири и НКВД: погром 1936 года // Сибирские огни. 2011. N 2. С. 180–188.
5. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том I. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000. 503 с.
6. Советская Сибирь. 1930. 21 нояб.
7. Тепляков А. Г. Опричники Сталина. М., 2009. 432 с.

Впервые опубликовано в Вестнике НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 6: Журналистика. С. 30–35.

<http://rusk.ru/st.php?idar=63440>